

Хан Сиэнь прождал у дворцовых ворот добрых два часа. Наконец показались слуги, выносившие Бай Шу на носилках. Сопровождавший его евнух почтительно доложил маркизу: инструктор Бай сначала битый час вымаливал у государя прощение на коленях прямо у входа во внутренние покои, а после получил тридцать ударов палками по монаршему повелению.

Впрочем, палачи прекрасно знали о его близких отношениях с Хан Сиэнем, а потому били вполсилы, целясь исключительно в мягкие места. Раны выглядели устрашающе, но лишь для того, чтобы соблюсти приличия перед императором. Государь, разумеется, разгадал эту хитрость, но придирается не стал — едва экзекуция завершилась, он велел унести избитого с глаз долой.

Хан Сиэнь сдержанно поблагодарил дворцовых слуг и велел переложить раненого в свой экипаж. Евнухи, ожидавшие от маркиза бурной вспышки гнева, были изрядно удивлены: его лицо не дрогнуло, а в голосе не прозвучало и тени раздражения. Он держался на удивление благожелательно.

Это лишь подстегнуло их любопытство касательно того, какими узами связаны эти двое. Впрочем, кем бы они друг другу ни приходились, слуги вздохнули с облегчением — гнев всесильного вельможи их миновал. Им вовсе не хотелось уподобляться глупцам из министерств, которые раз за разом лезли на рожон, надеясь задеть Хан Сиэня, а в итоге уходили оплётанными и опозоренными.

Хан Сиэнь опустил кожаный полог, экипаж мягко тронулся. Бегло осмотрев бёдра и полы халата Бай Шу, пропитавшиеся кровью, он на мгновение нахмурился. Тот со стоном приподнялся на локтях, криво ухмыляясь.

Не обращая внимания на его взгляд, Бай Шу понурился и негромко заговорил:

— Я попросил государя освободить меня от должности инструктора императорской гвардии. Он пришел в ярость. Кричал, что я не ценю монаршую милость и шастаю во дворец, точно к себе домой — уехал, не сказав ни слова. За это меня заставили мокнуть на коленях под дождем, а после всыпали тридцать горячих.

Он замялся, щеки его залил густой румянец. Самые важные слова застряли в горле. Бай Шу отчаянно хотел попросить прощения. Ведь стоило Хан Сиэню принести весть о брате, как он, позабыв обо всем на свете и даже не подумав, каково придется его спасителю, сломя голову бросился в Сицзян.

Лишь у самых городских ворот его точно обухом ударило. Сбеги он вот так, без спроса — каково бы пришлось Хан Сиэню перед разгневанным государем? Император и без того недолго любил строптивого гвардейца, и этот побег мог стать для маркиза роковым.

Пусть его величество благоволил Хан Сиэню, но государева милость — вещь обманчивая, подобная дамоклову мечу. В любой миг она может сорваться вниз и стать орудием казни.

От этой мысли у Бай Шу похолодело внутри. Не раздумывая больше ни секунды, он развернул коня назад.

К счастью, он успел вовремя. Стоило ему заикнуться о походе в Сицзян, как император разразился бранью. Ни согласия, ни отказа Бай Шу не услышал — лишь обвинения в том, что он, прикрываясь влиянием маркиза, ни в грош не ставит монаршую волю. Государь даже пригрозил ему плахой, но в итоге обошелся поркой.

Полученные тридцать ударов он почитал за благо. Хотя не след судить поступки старших, Бай Шу понимал: окажись он на месте государя, вряд ли проявил бы подобное снисхождение.

Хан Сиэнь прекрасно видел его терзания, но выслушивать извинения не собирался.

— И что же? Государь дозволил тебе отправиться в Сицзян? — прервал он его излияния.

Бай Шу покачал головой:

— Промолчал. Но завтра я снова пойду во дворец. Буду просить, пока не согласится.

В его глазах сквозила затаенная мука. Старший брат оставался его единственной родной душой в этом подлунном мире. Зная, что тот пропал без вести в Сицзяне, Бай Шу едва находил себе место от тревоги.

Но понимание того, что император просто проучивает его за своеобразие, заставляло смирять нетерпение и покорно ждать решения.

Хан Сиэнь лишь безучастно хмыкнул.

— Послушай, Сиэнь, — твердо добавил Бай Шу, — я добьюсь своего сам.

Он прекрасно знал, каким весом пользуется маркиз при дворе, но не желал, чтобы тот вымаливал у государя милость ради него. Стоило императору вспомнить о былых обидах и тенях прошлого, как его гнев мог пасть на голову Хан Сиэня. Одной лишь мысли об этом было достаточно, чтобы у Бай Шу закипела кровь.

Хан Сиэнь смерил его прохладным взглядом и приподнял бровь:

— Твои заботы — тебе и расхлебывать. С какой стати мне вмешиваться?

Бай Шу лишь тихо рассмеялся и снова уткнулся лицом в мягкий ворс дорожного ковра.

Раны на теле гвардейца и впрямь оказались пустяковыми. На сей раз он даже не пытался притворяться тяжелораненым, чтобы вытребовать у маркиза толику нежности и заставить того лично мазать его примочками. Бай Шу мечтал лишь об одном — поскорее встать на ноги и мчаться в Сицзян.

Каждый день он послушно являлся во дворец и дожидался аудиенции. На пятые сутки, когда дата отбытия наследного принца была окончательно утверждена, государь сменил гнев на милость и соизволил включить Бай Шу в свиту Его Высочества.

Все это время Хан Сиэнь пальцем о палец не ударил, чтобы помочь ему. Он ни разу не переступил порог дворца и не замолвил за него ни слова, бесстрастно наблюдая со стороны за усердием своего подопечного.

Накануне выступления войск наследный принц Цзи Ло, переодевшись в простое платье, тайно нанес визит в Поместье маркиза Вечного Покоя.

Последние недели дались принцу нелегко. Тревожные вести из Сицзяна приходили ежедневно, однако о судьбе генерала Бая по-прежнему не было ни слуху ни духу. Сердце Цзи Ло обливало кровью.

Встретившись с Хан Сиэнем наедине, он не стал вилать и прямо раскрыл карты. Голос его звучал глухо от усталости:

— Я ухожу в Сицзян и не знаю, что меня там ждет. Если оттуда придут недобрые вести или поползут грязные слухи, порочащие мое имя, вся надежда на тебя. Ты должен удержать столицу от смуты.

Хан Сиэнь выслушал его с безучастным видом, и лишь уголки его губ тронула едва заметная, ироничная усмешка:

— Если Ваше Высочество соизволит безвылазно сидеть в укрепленном лагере и не станет лезть на рожон, уверяю, никакая клевета до столицы не долетит.

Цзи Ло на мгновение смолк, а после негромко рассмеялся:

— Что ж, глупо было надеяться, что я смогу утаить от тебя свои замыслы. Ты прав, я намерен

преподать кочевникам кровавый урок. Сейчас в Сижуне царит усобица, и упускать такой шанс — преступление. В моих руках верительный тигриный талисман и власть наследника престола. Я могу вести полки. Если все рассчитать верно, мы обескровим врага так, что в Сицзяне воцарится покой на добрые полвека.

Маркиз сощурился, пронзая собеседника ледяным взглядом:

— А если генерал Бай уже мертв? Вспомнит ли тогда Ваше Высочество о своем долге перед государством?

Цзи Ло почувствовал, как бешено заколотилось сердце. Сжав губы, он процедил сквозь зубы каждое слово:

— Послушай меня, Хан Сиэнь. В этой жизни нет человека ближе мне, чем Бай Вэньхань. Он мне как брат. Если его убили, мы лично сотрем его убийц в порошок. Но как наследник престола и будущий повелитель Великой Чжоу, мы ни на миг не позабудем о своей ответственности перед подданными.

Это был первый раз, когда в разговоре с маркизом принц прибег к монаршему самоназванию.

Хан Сиэнь равнодушно кивнул:

— Пока Ваше Высочество живы, столица будет спать спокойно. Но если вы сложите голову в степях, этот город уже ничто не спасет. Мой долг — предупредить: вы уходите на неопределенный срок, а у меня в руках нет реальной власти. Боюсь, ваши упования окажутся напрасными.

Цзи Ло грустно улыбнулся:

— В этой выгребной яме под названием Императорский город у меня почти не осталось тех, кому я могу доверять. Да, у меня есть личные мотивы, но я действительно хочу подарить рубежам мир. По крайней мере, никто из моих августейших братьев и пальцем ради этого не пошевелит. Ты кажешься безжалостным и холодным, Сиэнь, но я знаю: ты презираешь подлость и подковерную грызню за власть. А потому из всех претендентов на трон я для тебя — меньшее из зол. К тому же... я единственный, кто никогда не станет принуждать тебя к тому, чего ты не желаешь.

Веки Хан Сиэня вздрогнули. Он разомкнул губы, собираясь что-то возразить, но принц нетерпеливо махнул рукой:

— Ладно, довольно. Я сказал все, что хотел. Войска вот-вот выступят, мне нужно проверить обозы. Избавь меня от своих нравоучений.

С этими словами наследник покинул кабинет.

Едва дверь за ним захлопнулась, из-за ширмы показался Бай Шу. Он все еще морщился при каждом шаге, стараясь не тревожить израненную поясницу, но лицо его оставалось решительным. Подойдя к озадаченному маркизу, он твердо произнес:

— Не беспокойся, Сиэнь. На войне всякое случается, но я прикрою принца своей спиной. Даю слово.

— Его Высочество сам напросился на эту авантюру, — сухо отозвался Хан Сиэнь. — Какое мне дело до его глупости?

«Упрямец», — мысленно усмехнулся Бай Шу. Он давно раскусил эту напускную суровость. Для него Хан Сиэнь всегда оставался человеком с ранимой и чуткой душой, сколько бы тот ни строил из себя ледяную статую. Будь ему все равно, стал бы он напоминать принцу о его долге перед державой и предостерегать от безрассудства? Цзи Ло определенно был ему не чужим.

Не желая спорить с непроходимым глупцом, маркиз перевел разговор на другое:

— Что до твоего брата...

— О нем не беспокойся, — перебил Бай Шу. — Мой брат провел в седле на границе половину жизни. Он выпутывался и из более страшных передраг. Так просто костлявая его не приберет.

Хан Сиэнь долго молчал, глядя в окно на серые сумерки, а затем едва заметно кивнул:

— Пожалуй.

В день, когда армия тронулась в Сицзян, император в окружении сонма придворных поднялся на городскую стену, дабы лично благословить воинство. Хан Сиэнь стоял среди вельмож, окинув холодным, равнодушным взглядом колышущееся море знамен и доспехов. Из этой многотысячной толпы его взгляд безошибочно выхватил две фигуры: скакавшего в авангарде наследного принца и державшегося подле него Бай Шу.

Избитые ягодицы гвардейца явно не зажили до конца. Сидеть в седле ему было не вмоготу — он то и дело неловко ерзал. Вороной жеребец под ним почувствовал неуверенность седока, заартачился, вскинул голову, силясь сбросить наездника, но Бай Шу крепкой рукой натянул поводья, быстро усмирив строптивого зверя.

Хан Сиэнь не слишком тревожился о его ранах. Накануне отъезда Бай Шу по секрету шепнул

ему, что Цзи Ло распорядился подготовить для него крытую повозку — едва войско скроется из виду городских стен, раненый сможет пересечь туда и спокойно долечить спину.

Напоследок этот негодяй бесцеремонно схватил маркиза за плечи и до боли укусил за губы. А после, сияя как начищенный медный таз, взлетел в седло. Степной ветер принес издалека его звонкий хохот и летящее над трактом: «Жди меня! Я вернусь!»

С отбытием Цзи Ло маркиз почти перестал утруждать себя утренними докладами в тронном зале, зато в императорских покоях стал появляться куда чаще. Разумеется, виной тому были настойчивые вызовы самого государя.

К старости владыка с горечью осознал, что ни один из его сыновей не приносит ему утешения. Когда единственный сносный наследник ушел на войну, общаться со старшим отпрыском, Цзи Фанем, напоминавшим сухой деревянный чурбан, у него не было никакого желания. А потому император все чаще призывал к себе Хан Сиэня, чтобы просто скоротать часы за неторопливой беседой.

Обстановка на границе требовала спешки, и полки Цзи Ло продвигались вперед гораздо стремительнее, чем предполагали дворцовые стратеги. Государь самолично разбирал ежедневные донесения, отмечая на карте пройденный путь и высчитывая день, когда войска наконец достигнут заставы Небесных Врат.

В тот день над столицей разверзлись хляби небесные. Откинувшись на спинку кресла, император отложил кисть — по его расчетам, авангард должен был вот-вот подойти к рубежам. Внимая унылому шуму дождя за окном, старик тяжело вздохнул:

— Знаешь, Сиэнь... Пожалуй, зря Мы отправили Цзи Ло на эту бойню. На сердце неспокойно.

Стоявший у стола маркиз даже не оторвал взгляда от военной карты.

— Твоему слуге неведом скрытый смысл слов Вашего Величества, — бесстрастно отозвался он.

Государь с укоризной посмотрел на юношу, разгадав его напускное простодушие:

— Все ты прекрасно понимаешь. Стоило Мне занемочь на пару дней да выпить несколько чаш лекарственного отвара, как придворные лизоблюды зашевелились, точно змеи в гнезде. Я стар. Наследник далеко. В такой час у многих не в меру ретивых чинуш могут вырасти непомерные аппетиты.

Люди всегда ищут запасные пути. Назначение Цзи Ло наследником пришлось по вкусу лишь роду маркиза Цзинго, остальные же затаили обиду. Прежде никто в здравом уме не прочил

опальному принцу престол Великой Чжоу, и даже ученые мужи из Палаты цензоров тайно поддерживали иных кандидатов.

Теперь, когда престолонаследник покинул столицу, для недовольных настал идеальный момент переписать правила игры. Пожалуй, это их последний шанс заявить о себе. Стоит Цзи Ло вернуться с победой, и власть укрепитя так, что никакие козни уже не поколеблют трон.

Хан Сиэнь медленно поднял глаза. В его тихом голосе прозвучало нечто загробное, заставившее воздух в кабинете мгновенно остыть:

— К чему Вашему Величеству утруждать себя тревогами? Если кто-то вынашивает измену... что мешает просто пустить им кровь?

Старый евнух Юань Бао, как раз разливавший чай у бокового столика, от этих кровавых слов вздрогнул. Рука его дрогнула, и крутой кипяток плеснул прямо на пальцы. Евнух сморщился от нестерпимой боли, но сдержал стон, не смея нарушить тишину.

Государь онемел, пораженный простотой этого решения. Хан Сиэнь обладал редкой, утонченной красотой; когда он молчал, его облик дышал изяществом благородного мужа.

Но стоило ему заговорить об убийстве, как тонкая бровь презрительно взлетела вверх, и безупречные черты исказила жестокая, хищная гримаса. В этот миг в нем не осталось ничего от изнеженного господина — лишь холодное, абсолютное пренебрежение к чужой жизни.

Император смотрел на него, завороченный и напуганный одновременно. Раньше ему чудилось, будто юноша — вылитый Ван Ин. Но сейчас пелена спала. Ван Ин был недостижимым, хрупким созданием, а алая метка меж его бровей лишь подчеркивала скрытую кротость нрава. То был человек, который, при всей своей отстраненности, слишком многим дорожил в этом мире. А вот в жилах Хан Сиэня с самого рождения текла чистейшая, неразбавленная стужа.

В эту секунду император отчетливо осознал: маркизу глубоко плевать на весь мир. Само понятие ценности человеческой жизни для него попросту не существовало.

В юности государь отличался мягкостью характера, граничившей с трусостью, и послушно плясал под дудку вдовствующей императрицы. Возмужав и привыкнув к безраздельной власти, он так и не утратил природного милосердия — без веских улик старик никогда не проливал крови подданных. Он не мог карать, основываясь лишь на подозрениях.

Когда Хан Сиэнь только стал его тайным оружием, дела империи пошли на лад. Однако после возвращения юноши из Сицзяна и его чудесного преображения все как-то позабыли, какими методами орудовал этот палач. Да и вел себя маркиз в последнее время тише воды ниже травы, никого открыто не задирая.

Государь и сам подзабыл, что если Хан Сиэню кто-то не нравился, тот шел напролом: раскапывал неопровержимые доказательства грехов несчастного и хладнокормно затягивал петлю на его шее.

Перед мысленным взором монарха на миг предстал прежний облик Сиэня — изуродованное шрамами лицо и безжалостный взгляд существа, заслужившего при дворе зловещее прозвище Безликого Рокшаса. И странное дело: вместо ужаса император ощутил робкое облегчение.

Ощущая, как от фигуры стоящего рядом юноши веет могильным холодом, государь невольно подумал: «Интересно, чья же голова слетит первой, когда недовольные чиновники решатся на бунт и столкнутся с этим чудовищем?»

<http://bllate.org/book/20088/2002108>